

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».
М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

16.09.2015

№9 (54) Сентябрь 2015 года

- Год литературы

Поэтическое лето

Вот и лету конец, конец летних творческих встреч и фестивалей. Как всегда на традиционных известных литературных собраниях «Грушинский» и «Каблуковская радуга» побывали андреапольцы и ставшие уже своими в нашем городе поэты из группы «Западный форпост». А сейчас – воспоминания, размышления, осмысление. Приятно, что наше творчество было замечено друзьями.

Игорь Квасов, Дубна

Взялся читать сразу все книги!!! Отливничик написал: «Вот и закончился праздник души...» Нет, не закончился. В самом разгаре!

Читаю «Мотовозик». Очень интересная подборка. История, краеведение, понравились житейские остроумные рассказы... Отдельно хочется отметить: очень здорово, что в книге упоминается Александр Чудаков! Филолог, философ, автор замечательной книги! Его размышления не всем по нраву (даже в нынешнее время). Но раз составители сборника упомянули Чудакова – значит мы на одной волне!

Пусть меня простят поэты, но я полностью переключился на «Мотовозик». Во-первых, интересно читать. А во-вторых, я сам пишу рассказы и воспоминания. Нашёл для себя много родного и общего!

Надежда Егорова, Москва

У меня почти такой же набор. Дочитываю «Мотовозик до Жукопы». Молодцы андреапольцы, хороший сборник сделали, разноплановая подборка. Рассказы у Маргариты хороши, как и стихи, очень точно и удачно выбрано произведение для названия сборника. Порадовали воспоминания Юрия Смирнова. Сейчас дошла до Яковичского, погружаюсь в эпоху Ивана Грозного.

С большим интересом прочла дневниковые записи Юрия Смирнова. У меня есть его сборник стихов с дарственной надписью. Мы когда-то вместе на тверском радио выступали.

Последний рассказ просто жемчужина. Розочка на торте! (От редакции: имеется в виду «Боги не умирают» Ивана Кирпичёва).

Татьяна Лапко, В. Луки

У родственницы начала читать ваш «Мотовозик...». Очень понравились первые же рассказы В. Юринова, потом прочла «Муху» Н. Шандаевской. И решила, что эту книгу хочу иметь на своей книжной полке.

Фото Игоря Квасова.

КАБЛУКОВО

Говорят, что я прикован
К среднерусской полосе,
К деревеньке Каблуково,
Что купается в овсе.

Говорят что здесь болота
Говорят, грязища, мол
Да болото, но в болоте
Половина русских сёл.

А зато грибов и ягод,
А кукушки ворожат,
А туманы, если лягут
До обеда пролежат.

На деревне запах мёда
И парного молока.
Вообще у нас природа
Не пока, а на века!

Благодать у нас такая,
Ах, какая благодать!
Благодатней в мире края
Мне отсюда не видать.

Приезжайте в Каблуково
Не на праздник, насовсем.
Нет здесь рая никакого,
А работы хватит всем.

Владимир Львов
(продолжение на стр. 2).

• Поэтическое лето

КАБЛУКИ ЮБИЛЕЙНЫМИ БЫЛИ

Отзвучали стихи и песни на XV-х Международных литературных встречах «Каблуковская радуга» в селе Каблуково Калининского района Тверской области. На фото: инициатор, бессменный организатор и вдохновитель этого праздника Владимир Ильич Львов, тверской поэт, член Союза писателей России, председатель «Тверского содружества писателей», выпускник Литинститута, до выхода на пенсию директор и преподаватель русского языка и литературы Каблуковской сельской школы. А по простому сказать — соль земли русской, удивительный человек, добрый, мудрый и щедрый, талантливый поэт, преданно любящий свою малую родину (Торопецкий район Тверской обл.) и болеющий всею душой за нашу общую родину Россию. Это не высокие слова. Почитайте его стихи, в них вы это всё найдёте.

Воистину «не место красит человека». Глядя на Владимира Ильича, всё время думаю, что вот так надо жить – не рваться в столицу за лучшей жизнью, а самому жить так, чтобы к тебе в деревню приехали и из столицы и из-за границы. Ведь пятнадцатый год подряд в Каблуково на литературный фестиваль приезжают поэты и авторы исполнители со всех концов России. Возникнув как дружеские посиделки в 2001 году, это мероприятие стало культурным явлением, и Тверская администрация через несколько лет взяла его под свою опеку, оказывала финансовую и организационную помощь. Сам губернатор заглядывал на огонёк. Только уж больно заадминистрировали чиновники этот фестиваль, но весь основной груз по проведению конкурса, организации мероприятия на месте всё равно все эти годы лежал на Ильиче.

Участников всё прибавлялось. Если на первой встрече их было 10, то теперь в Каблуково собирается до 200 человек. А ведь это деревня, надо где-то всех разместить, накормить. Несколько лет было разрешено ночевать в школе. Многие привозят палатки. Но бытовые неудобства не смущают поэтическую братию. В первые-то годы и ночевали все в доме у Львова, и еду на всех готовила его верная помощница и супруга Татьяна Яковлевна. Встречались все как старые друзья. Потом участников прибавилось, администрация внесла больше официоза.

Но в последние два года каким-то чудом удалось вернуть дух прежних, самых первых встреч. Пусть в этот год (Год литературы) в области не выделили на встречи ни копейки. Откликнулась местная администрация Калининского района, так что были как всегда и дипломы, и подарки. Но не ради дипломов и первых мест едут туда поэты. Это не передать словами, это надо пережить вместе со всеми. Надо сказать, что у конкурса-фестиваля нет сайта, группы в фейсбуке, и стихи присылаются на адрес Львова обычной почтой в конверте, Положение о конкурсе ежегодно рассылается также. Я всегда по мере возможности приглашаю на конкурс своих друзей-поэтов. Существует литературная премия «Народный поэт». А вот Владимир Львов это и есть самый народный поэт! Дай Бог здоровья Владимиру Ильичу на долгие годы. Мы его очень любим!

Я не случайно выбрала это фото. Усталый тут Ильич. Но вот сейчас закончит выступление очередной поэт и Владимир Львов выйдет на сцену объявлять следующего. Выйдет бодро, с улыбкой и найдёт добрые слова, чтобы представить кого-то, подбодрить, вселить надежду на лучшее.

Надежда Егорова,
Москва – Торопец

На снимках: «Западный форпост» в Каблуково (стр. 1); В.И. Львов (стр.2).

- Новое имя

Татьяна Головкина (Булкина)

Андреаполь – Калязин

Стихотворение об андреапольском вокзале уже было опубликовано в «Светлячке» в июне 2015 года. Предлагаем новые стихи этого автора.

ДЕТСТВО

Детство, мое детство, детство босоногое,
Укатилось облаком, улетело вдаль.
Часто вспоминается мне сегодня многое,
И тревожит сердце светлая печаль.

Георгины желтые и березы старые,
Барский сад с аллеями вижу как сейчас.
И на яркой зелени помню маки алые...
И невольно слезы катятся из глаз.

Валуны у берега, вязы и черемуха,
Речка неглубокая по камням бежит,
И, вращая лопасти, временем изломаны,
Старенькая мельница у воды стоит.

Рано утром по лугу, теплomu, росистому,
С бабушкой на Троицу на погост идем,
Слушаем гармошки звуки голосистые
И к полуразрушенной церкви подойдем.

Ах, ты время-времечко, лет уже не меряно,
Покатилось с горочки быстро и без слов!
Детство, мое детство, детство незабвенное,
Никогда теперь уже не вернется вновь.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Я снова вспоминаю свое детство,
Деревню нашу у большой горы,
И новый дом такой просторный, светлый,
Где только отстучали топоры.

Еще вокруг него щепка лежала,
Мне даже мелочь эту не забыть!
Я щепки на растопку собирала.
Казалось, мы здесь вечно будем жить...

А рядом с домом – барский сад, аллеи,
В них липы и орешник, яблонь ряд.
И места нет на свете мне милее,
Дороже, чем вот этот старый сад.

Весной сирень в нем пышно расцветала
И ветками стучала к нам в окно.
А я в сирени «счастье» все искала
И для себя, и маме заодно.

А сколько было здесь прудов красивых
И речек со студеною водой!
Два вяза над рекою говорливой
За эти годы не забыты мной.

А вот и мама с папой молодые,
И братья старшие, и бабушка моя...
Теперь и у меня виски седые,
И вдвое старше стала мамы я.

И где теперь тот дом, где сад любимый?
Все потерялось в быстром беге лет.
И с пожелтевших фото из альбома
Мне детство золотое шлет привет.

СНОВА ОСЕНЬ

Снова осень в городе, пляжи опустевшие,
Бьется в берег каменный зябкая волна.
В старом парке маленьком клены пожелтевшие,
Музыка печальная издали слышна.

Осень, осень славная... Листья кружат стайкою.
Шорох листьев высохших, рыжих, золотых...
Через этот шорох, может быть, услышу я,
Как когда-то в давности шум шагов твоих.

А в старом парке листья кружат,
Ночью и днем золотой листопад.
Осень встречает нас у ворот,
Осень не слышно рядом идет.

Мы пойдем по берегу, листья загребая,
Будем слушать музыку осени моей.
Рядом мальчик с девочкой бегают, играя.
Помнишь, мы так бегали в юности своей?

Ах, воспоминания душу растревожили
И на сердце тяжестью каменной легли.
Жаль, что мы не вместе наши жизни прожили,
Чувства наши светлые мы не сберегли.

А в старом парке листья кружат,
И нам с тобой нет дороги назад...
Скоро пойдут затяжные дожди -
Милая осень, ты нас не жди.

• Хранится в памяти

РОМАНС РОЩУНА

В том году поздняя осень стояла долго. Под нежарким розовым солнцем на траве долго не высыхали крупные капли росы.

На кладбище посёлка Хотилицы с берёзок и осинок падала листва. Осень торопливо и небрежно дирижировала этим шуршащим и шелестящим оркестром.

Я наконец-то разыскала могилу своего учителя Ивана Алексеевича Алексеева.

Я сбилась с ног, разыскивая заветную могилу. Но мир не без добрых людей. Их прибывало ко мне высокой волной. Все – от работников Андреапольской администрации до шофёров-дальнорейсовиков – искренне хотели помочь и, как могли, делились информацией.

Автобуса из районного центра в этот день не случилось. Иван Алексеевич любил мерить землю шагами. Даже в этом мне хотелось походить на него.

Я шла к этой запоздалой встрече не один десяток лет. Совсем нетрудно было прибавить к ним ещё тридцать километров лесной, разбитой лесовозами, дороги.

До Хотилиц меня подбросил выдавший виды "газик".

Я принесла на могилу своего учителя белые розы. Каждый лепесток был обведён дымчато-лиловой каймой. Вместе с цветами и тропическими папоротниками я держала в руках колючий букет из смятённых чувств, обрывков мыслей, стыда и позднего раскаяния.

Я не была в Хотилицах с детских лет. Но в каждом человеке есть внутренний компас, и направление я угадала правильно.

За полуголыми ветками деревьев угадывался домик, перед которым догорали осенние цветы. Среди поникших георгинов и увядающих астр хороводились алюминиевые мухоморчики с белыми кляксами на весёлых шляпках. Они смотрелись свежо и трогательно.

Мне повезло. Хозяйка дома учительница Валентина Петровна Моисеева когда-то работала с Иваном Алексеевичем, помнила и любила его. На кладбище она показала засыпанную листьями могилу и уехала, обещав вернуться через час. Я не успела даже поблагодарить её за деликатность и сочувствие.

Как только она ушла, я начала плакать.

Разрозненные воспоминания, словно бы тоже, присыпанные листьями, не поблекли и не растворились в торопливом беге будней. Они высветили прошлое, в котором жил, дышал, смеялся мой любимый учитель.

Мне снова было тринадцать лет. Я ехала с папой в туберкулёзный санаторий в Хотилицы, чтобы подлечить слабые лёгкие.

XXX

На станции Мартисово нас встречал возница с лошадкой, запряжённой в старинную зимнюю коляску. Полозья выгибались лебедиными шеями. На сиденья была брошена самая настоящая медвежья полость. Тяжёлый мех вспыхивал тёмной бронзой.

Короткий зимний день угасал. Мороз к вечеру обжигал сильнее. Станционный посёлок задышался в ледяных объятиях. От горячего дыхания губы лошадки обросли кудрявой бахромой. Мы мчались в звенящую холодом ночь. На верхушки ёлей вдоль дороги зима нахлобучила снежные шапки. Ледышки звёзд поблескивали остро и холодно. Под медвежьей шкурой, которая пахла зверем и тёплой пылью, было жарко и душно.

Мне хотелось, чтобы лошадиный бег не кончался. Я очень любила читать о барышнях с кавалерами, которых в далёком прошлом резвые кони уносили вдаль. Я пожирала страницы книг и со смутной завистью представляла их сладкий страх и готовность к приключениям, которые, как шампанское, вскипали в крови! И пусть у нас не карета, а двухместные сани с возницей, но будоражащее чувство близкой радости обожгло сердце.

Мы подъехали к санаторию. Двухэтажный каменный дом показался мне белой птицей, широко раскинувшей крылья. С крыльца сбежал седеющий человек в кожаном пальто, охристо поблескивающим на сгибах. Он пожал руку моему отцу. Помог мне выбраться из коляски, заглянул в глаза:

– Галя Выражейкина? Мы тебя ждали. Ну, здравствуй! Пойдём скорее греться!

Это был Иван Алексеевич.

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 4).

В его голосе звучали сердечная теплота и интерес, и я мгновенно поверила, что приезд в санаторий ещё одной больной девочки – событие значительное и важное. Поборов робость, я вслед за отцом поднялась на крыльцо.

Потом была баня и парилка, где клубился пощипывающий кожу дым, белый, как взлетающая под ветром холстинка.

Всё было хорошо. Уютно гудели печки в комнате для игр. Щебетали девчонки, с любопытством разглядывающие прибывшую новенькую. Еда была обильной и сытной. Такой в жизни не бывало у моей мачехи! Вот только папа... Целых девяносто дней щемящей разлуки! После ужина он должен был на той же лошадке возвращаться к поезду в Мартисово. Слезы, которым я запрещала проливаться, предательски скользили по щекам.

Иван Алексеевич взял меня за руку, и я очутилась в темноватом музыкальном зале.

«Хочешь, я тебе поиграю?» – не дожидаясь ответа, он мягко откинул крышку пианино.

Протяжные звуки легко вспорхнули с клавиш к потолку и растаяли в воздухе. На смену им прилетели новые, обречённые мгновенно умереть. Мне стало трудно дышать, слёзы побежали быстрее, оставляя волнистые дорожки.

Иван Алексеевич, оглянувшись, улыбнулся. Звуки снова ожили и заполнили музыкальный зал.

"Клод Дебюсси, "Ноктюрн", – закрывая пианино, сказал он. – А теперь пора в группу, скоро отбой".

"Клод Дебюсси, "Ноктюрн", – повторила я про себя странные нездешние слова.

В нашей перенаселённой комнате в Торопце у меня был свой уголок. Там над этажеркой со школьными принадлежностями висела тарелка репродуктора. Он был моим единственным другом. Репродуктор пел и разговаривал разными голосами. Я с наслаждением, хотя и урывками, слушала "Театр у микрофона".

Серьёзную музыку в шестидесятые годы передавали часто и охотно. Я никогда её не слушала. Отцу было не до классики. Он работал нормировщиком в РТС и каждый вечер дотемна "закрывал наряды". Колёсики счетов, сухо треща, так и летали в его пальцах.

Моя мачеха тётя Таня признавала только частушки Семёнкиной и Фроловой. Стоило моему черному, как сажа, дружку-репродуктору разразиться бравурными аккордами, мачеха сатанела: "А ну выключай! Нервы лопаются!".

Я искренне считала, что музыка мутна и непонятна. Её звуки только раздражают людей своей назойливой бессмысленностью.

Иван Алексеевич показал нам, рождённым после войны мальчишкам и девчонкам, другую музыку – живую, трепетную, прелестную. Играл он всегда что-нибудь грустное. Эта мягкая, без жалоб и обид, музыкальная грусть что-то обещала, куда-то звала и примиряла с непростой действительностью.

Его концерты были нечастыми и оттого бесценными. Гораздо позже я узнала, что в детстве он со своими братьями самостоятельно научился играть на балалайке и гитаре, используя вместо инструментов и струн суровые нитки, которые мальчишки натягивали в деревенской избе от стены к стене. Мечтал стать моряком. В сороковом году уехал в Ленинград, поступил в морское училище. В Отечественную войну Иван Алексеевич служил матросом на Балтфлоте. Вместе с блокадниками мёрз, мок, голодал, был ранен. Осколок снаряда как бритвой срезал два пальца на левой руке. Когда, комиссованный, Иван Алексеевич вернулся домой, не мог ходить. Весил чуть больше тридцати килограммов. Заботливый материнский уход и музыка, которую он любил до самозабвения, спасли его от болезни и отчаяния. В Доме культуры было пианино, он, опираясь на палки, с трудом добирался до инструмента и по «Самоучителю» учился играть. В санатории перед отбоем, когда для всех нас наступал короткий прекрасный "свободный час", чаще всего я была его единственным и самым благодарным слушателем!

Иногда он играл на балалайке – тогда в музыкальный зал набивались слушатели с первого класса по седьмой. Приходила музыкантша Наташа, молодая женщина с мечтательными серыми глазами.

Балалайка то вкрадчиво вздыхала, то рассыпала звуки стеклянными шариками, то звонко смеялась, то безнадежно о чём-то молила. Глаза Ивана Алексеевича в эти моменты были отсутствующими. Лишь иногда он коротко взглядывал на Наташу. Мелодии, как-будто знакомые – "Светит месяц", "Вот мчится тройка удалая ...", "Пойду ль я, выйду ль я ли", – все были словно сотканы из полутонов, загадок и недомолвок.

Балалайка в его руках завораживала. Но я сидела, надувшись. Ни с кем мне не хотелось делить Ивана Алексеевича!

С самых первых дней он приглашал нас, старшеклассников, в "походы за красотой". Нам нужно было дышать свежим воздухом – он соединил эти прогулки с природой и волшебством! Наш учитель был страстным охотником, и лес вокруг Хотилиц, густые боры, сосняки и непролазные чащи знал, как свои пять пальцев.

(продолжение на стр. 6).

(начало на стр. 4- 5).

Кажется, что можно увидеть в оцепенелом от мороза лесу? Где-то слабо свистнет отважная пичуга, или белка стрелой помчится на вершину ели, осыпая белый лёгкий пушок... Но наш учитель обладал колдовским умением оживлять краски, запахи и звуки!

Ноги сами несли нас в лес. Эти путешествия никогда не обходились без коротких драк – каждая девочка непременно хотела взять Ивана Алексеевича под руку! Победительницей из этих поединков чаще всего выходила я.

К двум счастливицам прицеплялась еще пара-тройка замотанных в тёплые платки девочек. Мальчишки, тоже мечтавшие быть поближе к Ивану Алексеевич, не решались повторять попытки, рискуя остаться не на шутку исцарапанными. Разочарованные, они шли позади. Иван Алексеевич часто оглядывался и шутил. В эти минуты наш учитель был похож на терпеливую наседку, распахнувшую крылья, чтобы взять под крыло всех своих цыплят!

Сумрачные ели нехотя расступались. Кое-где под этими великаншами было густо намусорено иголками и тёмными чешуйками. Белый снег пятнали рыжие скелетики еловых шишек. Иван Алексеевич ненадолго освобождал правую руку, указывая на остатки беличьего пиршества:

– Белке мороз не страшен, но если запасов мало, то голодно. Она и сейчас на дереве – видите на коре царапки от когтей? Такой любопытный зверёк. Сидит и тарашится на нас. Радует, что мы в её лес заглянули!

Все тоже изо всех сил тарашились, хотя редко кому удавалось разглядеть дымчато-жёлтую летунью, притаившуюся среди еловых лап, отороченных белым мехом.

Нас уже ждала полянка с заботливо вытоптанном кругом, чтобы нам было удобнее стоять. Много позже я поняла, что Иван Алексеевич приходил в лес раньше нас, часто жертвуя обеденным перерывом, чтобы в пухлых сугробах расчистить проход к деревьям и сложить валежник для костра.

Маршруты наших походов каждый день менялись.

Летел к концу декабрь. Чуть ли не с полудня опускались на лес войлочные сумерки. Иван Алексеевич, отыскав среди сосен ёлочки-крошки, сдёргивал меховые варежки, стараясь поймать в воздухе что-то невидимое. Мы, как обезьянки, делали то же самое.

– Чувствуете, какой запах? Кто скажет, чем сегодня пахнет лес?

Мы наперебой старались угадать, чем. Пахло смолистой сосной, свежим огурцом, пресным снегом. Но мы не угадывали.

– Новым годом пахнет! Смотрите, вон он мелькает за деревьями! – смеялся Иван Алексеевич.

Мальчишки фыркали, а девочки боязливо сдвигались вокруг учителя. А вдруг Новый год, забыв про календарь, действительно бродит по лесу? Какой он? Улыбающийся мальчик в лыжной шапочке с помпоном, как на детских открытках? Седой старик в шубе со смеющимися глазами и мешком подарков за спиной? Хотя, кажется, это не Новый год, а Дед Мороз!

Перед самым праздником наш "поход за красотой" был особенно запоминающимся. В сером от мороза воздухе позвякивали льдинки. Самые отважные, чуть не со слезами уговорив главврача Валентину Алексеевну отпустить на полчаса в лес, отправились с Иваном Алексеевичем.

Чтобы всем согреться, учитель зажёл высушенную лесинку, прислонив к ней шалашик из веток сосны. Ленточки огня, танцуя и трепеща, весело помчались вверх. Спустившись к сосновым лапам, огонь, как живое существо, недовольно зашипел, ветви затрещали, за клубился сырой дым.

Вскоре огонь сменил гнев на милость. Сотня искр взметнулась в темноту. Полянка, освещенная оранжевым факелом, ожила. Тени от деревьев задвигались. Белый снег стал нежно-сиреневым.

Мы стояли, любясь фейерверком. От волнения я крепче вцепилась в рукав Ивана Алексеевича. Даже сквозь варежки он был прохладно-скользкий, кожаный.

Глуховатым голосом учитель начал рассказывать сказку о Снежинке, влюблённой в Солнечный луч. Я даже не подозревала, что существуют на свете такие сказки. Отблески костра выхватывали из темноты побледневшие от волнения лица слушателей.

Он рассказывал о ледяном дворце, где счастливо жили замужние сёстры бедной Снежинки. Сказка окончилась печально – Снежинка сгорела от своей жаркой любви...

Но нам почему-то не было грустно. Наш учитель рассказывал сказку о взрослых чувствах, а лес слушал, белый и безмолвный, сам похожий на сказку!

Деревья в снегу стояли пухлые, игрушечные. Всё замерло, застыло в ожидании сказочного чуда.

Х Х Х

Иван Алексеевич решил, что на новогоднем карнавале я буду Лисой и предложил для костюма роскошный лисий хвост. Он ловко пришил его крепкими нитками к спадающей оранжевой оборке. Хвост

(продолжение на стр. 7).

(начало на стр. 4-6).

скользил по полу и плавно изгибался в такт шагам. Я переживала, что такой замечательный хвост запылится на затоптанном полу. Иван Алексеевич только рукой махнул.

Мне казалось, что ни Снежинки в накрахмаленных юбочках, ни Зайчики с пушистыми хвостиками – тоже, понятное дело, из трофеев учителя! – ни даже синеглазая Снегурочка не могут сравниться с настоящим лисьим хвостом с сияющим белым кончиком!

Единственное, что омрачило карнавальное веселье и стало неприятным сюрпризом – это то, что мальчишки устроили настоящую охоту, стремясь поймать меня за хвост. Позабыв о песнях и хороводе, я ловко ускользала и пряталась. До тех пор, пока Витя Криккет, наполовину латыш и по совместительству мой воздыхатель – с разбега двумя ногами в валенках не приземлился на мой хвост! Я рванулась в сторону, но – поздно!

Раздался треск. Хвост вместе с вырванным куском костюма шлёпнулся на пол. На оборке зияла рваная дыра. Я на секунду застыла. Жгучий стыд плеснул в лицо. Провожаемая громким хохотом я, не разбирая дороги, ринулась вон из зала. Пролетев по лестнице вниз, я заскочила в предбанник женского туалета и прислонилась к стене. Только здесь я могла всласть настрадаться. От позора, который видели все, у меня покраснели даже лопатки.

Не было в этот новогодний праздник существа более несчастного, чем я!

Наконец, уставшая от слёз и замёрзшая в каменном мешке, я поднялась в нашу спальню. Но сюда в любой момент могли заскочить за какой-нибудь надобностью девчонки...

Я спустилась в библиотеку – здесь в праздничный вечер я уж точно останусь одна! В музыкальный зал, где горела огнями ёлка и слышался преувеличенно бодрый голос Деда Мороза, нашего физкультурника Саши, я ни за что не вернусь!

Света я не зажигала. Едва различимые на полках книги всё понимали и мудро сочувствовали. Читать я любила до умопомрачения. Только в книги я могла ускользнуть от тяжкого и унылого гнёта мачехи.

В своей оранжевой юбке я сидела на полу, перебирая руками рваную оборку. Попадёт мне за испорченный костюм!

Я, наверное, с горя задремала, потому что не слышала, как кто-то вошёл. Очнулась, когда под моею рукою зашелестела бумажная раздутая сумочка. Подарок!

Прямо на пол рядом со мной опустился Иван Алексеевич. Я вспыхнула. Если бы он начал меня утешать, я, наверное, сразу бы убежала. Но он молчал. С ним было спокойно и как-то надёжно.

В нетопленной библиотеке я мелко тряслась в своём марлевом костюме. Иван Алексеевич снял свой пиджак и набросил мне на плечи. "Спасибо!" – замерев от неожиданности, сказала я. Книжки на полках, казалось, вздрогнули от моего громкого голоса.

– Я знал, где тебя искать, – ответил мой учитель. – Возьми свой подарок!
Он начал вытирать мои щёки и нос платком, душно и сладко пахнувшим "Шипром". Мой папа тоже любил этот одеколон.

– Ты собираешься устроить тут наводнение? Знала бы ты, как слёзы нынче недёшевы... Вот трагедия – оборка! Хочешь, покажу завтра, где выдра зимует? – голос его прозвучал грустно.

Хочу ли я?! Я прерывисто вздохнула, но Иван Алексеевич меня понял. Он всегда меня понимал. В полутьме я, как кошка, видела его лицо с крупными добрыми губами и глазами цвета свежего пепла. В глубине этих глаз всегда стояла какая-то усталость...

Как уютно и защищённо чувствовала я себя под его старым пиджаком! Какой смешной и пустяковой казалась теперь моя горькая обида!

В подарке были свежие пряники и печенье, узенькая шоколадка, немного шоколадных конфет, апельсин и "долгоиграющие" леденцы. Я робко предложила своему учителю шоколадный пряник. Он разломил его на двое и мы жевали, думая каждый о своём.

– Иван Алексеевич! – наконец осмелилась я задать мучивший меня вопрос. – Вы на днях рассказывали сказку о Снежинке. Я такую никогда не слышала. Вы её сами придумали?

– Нет, её написала одна дама, давно, ещё до Октябрьской революции, – он, наконец, прикончил пряник. – Знаешь, о чём я больше всего жалею? Нет во мне искры, того, что люди называют литературным творчеством! Вот ты недавно дала мне прочесть свою... ну, книжкой её не назовешь, – поправился он, – свою историю. Название не совсем удачное – "Солнце светит всегда!" – ну, согласись, содрала с книжки "Солнце светит всем"? Я тогда раскритиковал её в пух и прах, помнишь?

Еще бы не помнить! Я думала, что умру, слушая, как он неторопливо и спокойно препарирует моё первое и потому особо драгоценное произведение. Словно сдирает с него кожу!

(продолжение на стр. 8).

(начало на стр. 4-7).

– И знаешь, что я тебе скажу, – продолжал он всё так же серьёзно, – ошибок там куча! И грамматических, и стилистических. Сюжет у тебя не прописан, и в деталях ты вязнешь. Но всё равно что-то в этом есть! И ты это дело не бросай! Прикрепить к бумаге настоящие чувства, мысли, то, что мучает и тревожит – разве не счастье? Эта женщина, которая красивую сказку написала, она всю жизнь хотела быть кем-то другим... Даже фамилию себе взяла другую, повычурней! Я ведь не всем эту сказку рассказываю. Только тем, кому доверяю. Вы настоящие ленинцы, не подведёте. Это, понимаешь ты, буржуазная сказка. Запрещённая...

– Сказки не бывают запрещёнными, – с железной уверенностью возразила я. – Только интересными или скучными.

– Я тоже так думаю.

Я почувствовала, что Иван Алексеевич остался доволен.

– Ещё по пряничку? Закрутился с ёлкой, не до ужина...

Неужели еще каких-нибудь полчаса назад я чувствовала себя несчастной? Поющая радость переполняла сердце.

– Никогда не стесняйся простых вещей! Всё, что в жизни нужно – это естественность и простота. Только и всего! Но это как раз самое тяжёлое и трудное!

– Иван Алексеевич, – расхрабрилась я, – можно Вас ещё спросить?

Он повёл плечом, соглашаясь.

– Зачем Снежинка влюбилась в Солнечный луч? – я словно поехала с горы в снежный сугроб. Но знала, что никого, кроме него, не решусь спросить об этом. – Она, что ли, не понимала, что сгорит? И всё равно осталась с Лучом! Почему?

Он вдруг тяжело и надолго замолчал. Что-то я задела, какую-то болезненную струну... Если б можно было вернуть свой дурацкий вопрос!

– Она была счастлива, как думаешь? – наконец ответил вопросом на вопрос.

Я медлила. Счастье в том, чтобы сгореть?

– Я думаю, была. Тебе сложно пока понять, но в жизни очень важно не пропустить единственное, твоё! Не торопиться с чувствами... Не расплескать... Дождаться! Она сгорела, да! К сожалению... Но так ярко, бесстрашно и победно! Ну как, успокоилась? Согрелась?

Он легко поднялся, вынул из кармана пиджака и вложил в мою руку что-то прохладное и круглое.

– Не разжимай, пока не уйду. На Витьку не злись! Он же не просто так за хвостом гонялся! Ну не знал человек, как привлечь внимание! Поэтому!

Дверь захлопнулась, и я разжала ладонь. На ней лежал, светясь в темноте, пахнущий сосной мандарин.

X X X

Зимние каникулы были звонкими и радостными. В санатории мы не только лечились, но и учились. Правда, по три урока в день. Но ведь больше недели отдыха!

Наши прогулки всё удлинялись. В безветренную погоду мы подолгу стояли с Иваном Алексеевичем на берегу озера Лобно. Огромная его чаша пенилась снегом как густыми сливками.

На каникулах мы катались на изогнутых санках. Иногда с нами была Наташа. Иван Алексеевич был нашим кучером. Я боялась, что это ему надоест – ведь нужно было покатать более шестидесяти счастливиц! Но ему нравилось нас возить. На щеках от ветра плитками лежал румянец. Пепельные глаза смотрели весело, даже с каким-то вызовом. Из них наконец-то ушла грусть.

Время капало, как вода из неплотно закрытого крана. Каждый день приносил радость, на доньшке которой в осадке густела тоска. Приближался срок отъезда из санатория...

После нашего разговора в библиотеке я, как подсолнух за солнцем, всё время поворачивалась в сторону своего учителя. Мне даже не нужно было, чтобы мы разговаривали. Пусть только будет где-то рядом! Даже на другом этаже. И пусть чаще играет на пианино «Танцующий снег» или «Серенаду для куклы» своего Дебюсси! В своей детской не рассуждающей уверенности, что он мне всегда рад, не догадывалась, что мешаю ему и даже докучаю. Хотя он был ровно приветлив и открыт для общения.

Когда его не было в санатории, я подолгу смотрела в окно – вдруг мелькнёт знакомое коричневое пальто? И я увижу своего учителя, открывающего парадную дверь, на несколько минут раньше остальных!

В один из скучных вечеров, наспех сделав уроки, я отправилась разыскивать Ивана Алексеевича. Из-за неплотно притворённой двери музыкального зала слышались звуки пианино. Я обрадованно заглянула. Возле окна Наташа разучивала мелодию какой-то знакомой и милой песенки.

Ёлку давно разобрали и унесли. Стулья на случай концерта образовали в углу что-то вроде баррикады. Подавив вздох разочарования, я по привычке уселась на пол за стульями и приготовилась ждать. Вдруг на

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 4-8).

звуки музыки, как на огонёк, забредёт Иван Алексеевич?

Наташа, увлечённая игрой, меня не заметила.

В ней я интуитивно чувствовала родную душу. Русые волосы водопадом спадали на плечи. Серые глаза всему по-детски удивлялись. На пианино на блюдечке мерцала зажжённая Наташей стеариновая свечка. Я уже собралась уходить, как вдруг неожиданно вошёл Иван Алексеевич. Я едва сдержала вопль восторга.

Он тоже сел за пианино, улыбнувшись Наташе. И она ему улыбнулась. Его пальцы весело побежали по чёрно-белым клавишам. Иван Алексеевич запел несильным баритоном:

Не забыть мне русую головку
Никогда!
Но, боюсь, не шутит ли плутовка? -
Что тогда?

Он пел озорно, со вкусом, и чуть раскачивался в такт. Я даже не подозревала, что он может так петь - он никогда раньше не пел!

Сейчас передо мною был совсем другой человек - свободный, раскованный, бесшабашный! Эта лихость очень шла к нему. Наташа, видимо, впервые слышала этот романс и беспомощно улыбалась. Аккомпанируя, Иван Алексеевич допел и по-рыцарски склонил голову.

Они долго играли в четыре руки, смеялись и дурачились, как дети. Потом вдруг замолчали. Это молчание не было ни тягостным, ни неловким. Я впервые с острой тоской поняла, как легко им вдвоём и петь, и думать, и молчать...

Первым нарушил тишину Иван Алексеевич. Он снова тронул клавиши. Как тяжёлые капли осеннего дождя упали первые сдержанные аккорды:

Почему ты мне не встретишься,
Юная, нежная,
В те года мои далекие,
В те года вешние?..

Он пел спокойно, но щемящая горечь "Романса Рощина" мгновенно занозила сердце. Я перестала дышать. Спокойно и обречённо звучали слова, полные застенчивой нежности:

Как боится седина моя
Твоего локона...

Пламя свечи дрожало. Наташа плакала, беззвучно и неутешно. Потом порывисто прижала его ладонь к своей мокрой щеке. Он перестал играть. Тёмная тень легла на лицо. Потом он медленно коснулся клавиш. Растворилось и исчезло горькое признание сильного человека, не умеющего ни молить, ни молиться:

...Ты любовь моя последняя,
Боль моя...

Я сидела и кусала ладони. На них потом долго не исчезали глубокие подковки от зубов. Эти двое не могли быть вместе. У Ивана Алексеевича – трое детей... На правой руке Наташи светилось тоненькое, словно из золотой проволоки, кольцо.

Я знала, что мой учитель всегда терялся и страдал от женских слёз... Почему он не вытер ей щёки своим пахнущим "Шипром" платком? Никем не замеченная, я сидела на полу за стульями до тех пор, пока не заглохли их шаги в коридоре.

Обрывки слухов, что Ивану Алексеевичу в семье живётся трудно и горько, до нас всё же доходили. Я не слушала. Он жил в высотах, недостижимых для сплетен, но я всегда знала, что он был очень одинок.

X X X

В день отъезда я получила от своего учителя два подарка. В воскресное утро я сложила в портфель все свои учебники и тетрадки. Иван Алексеевич ждал меня в коридоре. В свой выходной день он пришёл попрощаться. Протянул свёрток:

– Это тебе от меня!

В свёртке было чучело норки. Нежный коричневый мех переливался и блестел. Хвост зверька был потешно изогнут. Сверкали медового цвета глазки-пуговочки. Мне никогда не дарили таких дорогих подарков, и от волнения я не знала, что сказать.

– Я буду Вам писать, – горячо обещала я, чувствуя, как сердце царапают ледяные иголки, – Вы скоро получите письмо!

(продолжение на стр. 10).

(Начало на стр. 4-9).

Иван Алексеевич покачал головой:

– Нет, не будешь. Не обещай!

...Приехал папа. Я стояла возле запряжённой в сани лошадки, готовясь уезжать. Мой учитель снова меня окликнул. Я торопливо оглянулась. Он держал в руках за шелковистый загривок кролика. Это была награда. В одном из подсобных помещений санатория держали кроликов, и мы с девчонками никогда не забывали покормить ушастиков остатками обедов и ужинов. Папа посадил живой подарок в дерматиновую чёрную сумку.

Последний раз я прижалась к родному прохладно-скользкому кожаному пальто. Застоявшаяся лошадка, радостно фыркая, рванулась прочь, унося сани от крыльца... Ещё какое-то время я видела невысокую широкоплечую фигуру. Учитель махал мне рукой. Потом санаторий скрылся за поворотом дороги...

Я действительно не написала своему учителю ни строчки. Много раз, капая на мех норки горячие слезы, бралась за письмо. Но так и не решилась. Да и что я могла сказать этому сильному, бесконечно уставшему человеку?

Но как он знал?

* * *

Я убрала могилу Ивана Алексеевича. У нас ещё оставалось время поговорить.

Рядом с могильной оградой росла береза. Я подняла с памятника и взяла себе на память несколько сияющих жёлтых листиков. Берёза всё сыпала свои монетки на памятник. С фотографии серьёзно и строго смотрел на меня мой учитель.

Я рассказывала ему о том, что с его лёгкой руки я стала журналистом, училась в Ленинграде, работала на Урале и снова вернулась в Торопец. Что, наконец, встретила в своей жизни большую любовь. Что больше десяти лет жила в Америке.

Я говорила Ивану Алексеевичу о том, что в начале жизненного пути не каждому выпало счастье встретить прекрасного, мудрого и терпеливого учителя. Мне хотелось сказать ему, что всё-таки он был неправ! В его душе горели искры творчества. В каждом ребёнке он сумел разглядеть и зажечь свою звезду!

Я говорила ему о том, как согрел и осветил он мою жизнь.

Первая любовь у всех одна.

Помните –

последняя она!

В жизненной лотерее мне выпал счастливый билет!

Галина Церникель,
г. Торопец

• Непридуманные истории

УШЕЛ ОТ СЕМЕРЫХ

Пожилая женщина рассказывала о своем отце. Иван прошел всю войну от звонка до звонка. У него в голове было три осколка. Восхищаясь подвигом главы семьи, женщина вдруг тяжело вздохнула и поведала:

– А ведь папка от нас уходил. Не посмотрел, что семеро нас у него было. И объясняю я это просто: ему баба была нужна, а мать наша не хотела аборт делать. И рожать было нельзя. Куда больше, и так семеро. Мы ведь голодали. Время было тяжелое. А от аборт в каждой деревне умирали. Мать на такое не шла, не могла же она нас осиротить. Ушел наш папа к соседке напротив. Та ему так рада была. Ведь с войны редко кто возвращался. А здесь мужик в доме. Ранним утром, когда папка уходил на работу, мы подходили к окну и смотрели на него. И вечером, когда он возвращался, тоже бежали к окну. Однако пожил он у соседки недолго. Стал плакать, проситься домой. Умолял мать простить его. Стыдно ему было, сознавал свою вину. И мать простила. А ту соседку, я считаю, Бог наказал. Сгорел ее дом и сыновья умерли.

Галина Ермолаева,
Андреаполь

• **Рождены страдать поэты**
Маргарита Петрова,
Андреаполь

* * *

Болезнь высокая опять
 Надёжно к стулу приковала:
 Копаясь в памяти подвалах,
 Мне недосуг ни есть, ни спать.

Перетрясу сундук словес,
 И так, и сяк их примеряю,
 Настырно с рифмой примиряю,
 Как кур сажаю на насест.

Слова строптивы и умны,
 Стать в строй послушно не готовы,
 Стих не рождается в оковах.
 А в небе томный диск луны.

Не дрогнет ветка за окном.
 Мне б тонкий трепет занавески
 Иль нот волнующие всплески...
 Округа спит мертвецким сном.

Отчаявшись, валюсь в кровать.
 И только в тьму морфея кану,
 Как образ призрачный, туманный
 Приказ даёт – зарифмовать.

Игорь Столяров,
Нелидово

Наверно, мне заканчивать пора
 писать стихи. Года всё ближе к прозе.
 А все потуги моего пера –
 совсем не то, что в памяти провозят
 с собою те, кто скрылся навсегда
 в другую жизнь. Там лучше быт построен.
 Там каждый шаг фильтрован, как вода,
 и как костюм, по точной мерке скроен.
 А на душе надет стальной зажим.
 И лишь когда, случайно тронув пламя,
 кольнет смешное слово "ностальжи", –
 они стихами оживляют память.
 Проснувшись вдруг без видимых причин,
 рассветный дым смахнув в тревоге смутной,
 мешают с виски рифменный очин
 и трут виски. И курят поминутно...
 Я верю: звук поэзии родной
 для них раскрасит скуку райских будней.
 Ну, а моя... останется со мной.
 Ей рядом быть, наверное, уютней.

Наталья Иванова,
Пено

* * *

Мне сказали по секрету,
 Что страдать должны поэты.
 Может ты ушёл, женился,
 Чтобы этот стих родился?

Чтобы я по белу свету
 Всё –Ау! – кричала. – Где ты?
 Ни ответа- ни привета!
 Точка! Строчка... Два куплета.

Ты разбил мне сердце снова–
 Вот! трагедия готова!
 Ранил, как из пистолета –
 будут стансы, да сонеты.

Не прогулки до рассвета –
 Из изящных строф букеты.
 Рождены страдать поэты!
 Ничего, пройдёт и это!

* * *

Поэт, назад лет двадцать пять,
 Мечтал, вздыхая беззаботно:
 Неплохо б книжечку издать,
 На этом денег заработать.

Теперь, вздыхая безысходно,
 Мечтает изредка с тоски:
 Неплохо б где-то подработав,
 Потратить деньги на стихи.

Людмила Леоненкова,
Белый

* * *

Муза моя устала,
 Муза моя молчит,
 Картошку с утра копала,
 Со мной волочила мешки.
 Потом еще суп варила,
 Варенье из яблок к зиме.
 И дважды посуду мыла,
 Боль презирая в спине.
 Муза моя родная!
 Не покидай меня.
 И отдохну когда я,
 Крылатого шлю коня.

Владимир Юринов,
Андреаполь

* * *

Не бойся, не надейся, не проси
 у жизни этой жребия иного,
 чем – с колокольцем вычурного слова
 сквозь толпы в одиночестве брести.
 Ведь ты, как я, увы, изобличён
 невыводимой, вечною печатью:
 изрубленными крагами перчаток
 и шляпой, закопчённою свечой.

- Молодые голоса

Лиза Линкевич,
 Андреаполь - Тверь
 ДИАЛОГ

Вот опять дорога,
 и опять идти.
 Расскажи немного,
 что там впереди?
 «Будет много солнца
 там, в конце пути, –
 весело смеётся, –
 надо лишь дойти.
 Пусто на дороге,
 но не бойся ты,
 встретишь ещё многих
 на пути мечты».
 Может, будет малость
 счастья там, в конце?
 Лёгкая усталость
 тенью на лице:
 «Все хотите счастья,
 лишь бы поскорей,
 не пройдя ненастья,
 не открыв дверей».
 И вздохнул устало,
 молча глядя вдаль:
 «Что ж, идти немало».
 И в глазах печаль.
 Вот она, дорога,
 снова впереди...
 Подождав немного,
 он сказал: «Иди».
 Я пойду тихонько,
 пусть и под дождём –
 глупая девчонка
 с косичкой и зонтом...

Артём Виноградов,
 Нелидово – Москва

ВЫСШИЙ СУДИЯ

О, нас рассудит только Смерть –
 Судья превысший, беспристрастный.
 Что нас там ждет – земная твердь
 Иль рай божественно прекрасный?

Нет, не поверю никогда
 Я в Господа, что жизнью правит.
 Я не хочу со страхом ждать,
 Как в ад меня не вдруг отправят.

И не хочу молить я о
 Прощении за все, что сделал.

Однажды нищий и король,
 Купец и плотник, черный, белый

Окажутся в одной земле
 Сырой и стылой, метром ниже.
 Кто вечно был навеселе,
 За юбками тащась бесстыже,

И праведники без греха,
 Те, что молились беспрестанно.
 Судьба останется глуха.
 Земля пожрет их вместе с нами.

Но ты твердишь мне – все не так
 И Бог спасет, нужна лишь вера.
 Нам Смерть расскажет, кто дурак,
 А кто стоит у нужной двери.

Смерть все расставит по местам,
 Всех уравниет в этом мире.
 Когда умру, я долг отдам –
 Душой взлечу иль стану пылью.

Артём Сидой,
 Белый – Москва
 О ДЕВОЧКЕ

А вы думаете это просто
 писать стишки? Ну да...
 Пытаться содрать коросту
 в сердцах что копилась года.
 Каждой строчкой насиловать музу,
 затем авторучкой колоть ей глаза,
 И упиваться кровавою лужей -
 всё для того, чтоб просто сказать...
 сказать что... ну ладно, потом,
 эти стихи совсем не о том.
 не о властях и жёстких запретах,
 И не про то, что кончилось лето.
 Стихи о девочке, которую в толпе
 нечаянно задела при ходьбе
 плечом, слегка неаккуратно,
 из дома в офис иль обратно.
 Вся ваша встреча – миг, секунда,
 пройдёте мимо вы бездумно.
 Её лицо забудется мгновенно.
 Но вы представьте: во вселенной,
 где все грызутся за гроши,
 нет чище и прекраснее души,
 Чем в этом маленьком птенце
 с длиннющей чёлкой на лице.
 Она плачет в подушку, смотрит в окно,
 Не курит и вовсе не любит вино
 и ждёт всё чего-то такого, оно
 нам не понятно и не дано.
 А когда она раздвинет ноги
 перед каким-то убогим,
 Чистота не уйдёт, а спрячется точкой,
 Чтоб потом передаться дочке.

Владимир Юринов**На картах не значится****Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта**

Втроём стоять в очереди оказалось уже совсем нескучно. Незаметно для себя мы достоялись до открытия, ещё часа через три неспешного движения по Уссурийскому бульвару проникли наконец в заветные двери, успешно затарились («Касса! Больше двух бутылок в одни руки не выбивать!..») и, распаренные магазинной толкотнёй, вывалились из шумного и грязноватого винно-водочного оазиса в морозные сиреневые сумерки, унося «в клювах» честным трудом заработанную добычу.

Встречу отмечали в «ДВ». Ресторан «Дальний Восток» считался в Хабаровске «офицерским», в отличие, скажем, от «Центрального», бывшего «вотчиной» презренных гражданских «шпако́в». Закусывая ледяную водочку обжигающими «амурчиками» (фирменное дальневосточное блюдо: пельмени, сваренные в печёночном бульоне в запечатанном пресной лепёшкой глиняном горшке), мы снова и снова возвращались к теме нашей чудесной встречи. Впрочем, крепко выпив, мы трезво рассудили: ну а где ещё, скажите на милость, в эти предновогодние дни могли абсолютно случайно встретиться три брата, три офицера, служащие в разнесённых на сотни километров друг от друга дальневосточных гарнизонах? Разумеется, в Хабаровске, в очереди за шампанским!..

Как, конечно же, поймёт искушённый в литературных тонкостях читатель, этой незамысловатой историей я как бы перекидываю мостик в следующую главу. В главу, где речь уже целиком и полностью пойдёт о спиртных напитках.

Я напомним, что вторая половина 80-х было временем непростым, лукавым. Временем, когда тщанием инстанций наивысших, от народа далёких, бывшее всю жизнь в России предметом первой необходимости спиртное вдруг, в одночасье, сделалось вещью недоступной, остродефицитной. Оно стало настолько дефицитным, что, говоря о спиртном, речь уже следует вести не просто о вине или водке, но...

О твёрдой валюте

Мы приехали в Орловку в ноябре 84-го, а 7 мая 1985 года вышло знаменитое Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма...», ознаменовавшее начало очередной, уже пятой по счёту и последней, антиалкогольной кампании в СССР. Кампания эта получила название «горбачёвской» – по фамилии воцарившегося незадолго до этого, нового Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва, собственно, и ставшего её инициатором. Как это обычно водится в нашей стране, кампания получилась шумной и бестолковой. Пыли было поднято много, палок перегнуто огромное количество, эффект же оказался минимален...

Кстати сказать, любая кампания или реформа, осуществляемая в России, радикально отличается от аналогичных мероприятий, проводимых в других странах. И в том всецело повинен наш неистребимый российский менталитет.

Ты имеешь что-то возразить, мой либерально настроенный читатель? Ах, «надоело»?! Ах, «сколько можно всё сваливать на русский характер»?! Мол, «мы – европейцы, мы – такие же, как все, и нечего тут...»?! То есть, ты желаешь поспорить? Ну что ж, я готов. Только давай не будем забрасывать друг друга цитатами из классиков или приводить никого никогда не убеждающие примеры из серии: «А вот у нас!..». Давай лучше просто, по-современному, проведём самое обыкновенное виртуальное моделирование процесса. Это, поверь мне, гораздо эффективнее и, главное, эффективнее. Согласен?

Ну, тогда давай для наглядности представим себе два совершенно одинаковых небольших виртуальных городка: наш – разумеется, Ухрюпинск и какой-нибудь немецкий... м-м... Гутенштадт. Население обоих городков утрируем до минимально возможного: три номенклатурных работника – Мэр, Заместитель и Полицейский, и три рядовых гражданина – Оптимист, Пессимист и Реалист.

Предположим, в обоих городках происходит некое, не зависящее от жителей, то есть идущее извне, событие – ну-у... к примеру, ночью выпадает очень обильный снег. Мэры обоих городков, с трудом добравшись поутру до своих мэрий, издают два идентичных указа: всем жителям города выйти на расчистку снега; каждый из жителей отвечает за прилегающий к своему дому участок дороги. А теперь, дорогой читатель, давай посмотрим за развитием событий в наших виртуальных населённых пунктах.

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

Начнём с неметчины. Ну, во-первых, издав указ, Мэр Гутенштадта, ощущая себя, кроме всего прочего, ещё и рядовым жителем своего родного города, первым выходит на расчистку участка дороги перед своим домом. Вслед за своим начальником тянутся Заместитель и Полицейский, следом – все остальные жители Гутенштадта. Ну что тут может произойти интересного, неординарного? Да ничего! Тут и разговоров-то особых не будет. Ну, разве что Пессимист выразит своё мнение о том, что погода с каждым годом становится всё хуже и хуже. Ну, Оптимист выскажется в том духе, что, мол, ничего страшного, подумаешь – обыкновенный снегопад. Ну, Реалист, посмотревший с утра прогноз погоды по ARD, скажет, что, по крайней мере, на два ближайших дня обильных снегопадов не ожидается. Вот, собственно, и всё. Через час вся дорога расчищена, дело сделано, жители расходятся по домам, все довольны.

Скучно? До зевоты. Ни сюжета, ни эмоций, ни романтики.

Совсем иное дело наш родной Ухрюпинск. Тут совсем другой колленкор!

Ну, опять же, во-первых, ни Полицейский, ни Заместитель, ни тем более Мэр себя рядовыми жителями городка, разумеется, уже не считают. Ещё чего! Нашли с кем равнять! Они ж – номенклатура! Элита! Поэтому ни у кого из чиновников даже мысли такой не закрадывается – выйти помахать лопатой на свежем воздухе. Итак, все официальные лица остаются на своих официальных местах. А как там себя ведут рядовые граждане?

Оптимист, естественно, встречает очередную инициативу сверху взрывом энтузиазма и тут же... садится конструировать универсальный снегоуборочный комбайн.

– Сейчас!.. Сейчас!.. – горячечно шепчет он себе под нос, лихорадочно приделывая фанерную лопату к пылесосу. – Мы сейчас не только всю улицу уберём! Мы сейчас всю страну от снега очистим!.. Да что там страну – весь мир!..

Пессимист, наоборот, встречает указ Мэра в штыки:

– Что за хрень! – возмущённо говорит он своей жене. – В прошлом году снег чистили? Чистили! В позапрошлом году чистили? Чистили! Сколько можно?!..

Он выходит на улицу и видит Реалиста, одиноко лопатящего снег на участке дороги перед своим домом.

– Ты что делаешь?! – возмущённо орёт на него Пессимист. – Делаешь ты что?!..

– Снег чищу, – невозмутимо отвечает Реалист. – Согласно указу.

– Ты – лох!! – орёт на него Пессимист. – Тебя опять поймали! Ты оглянись вокруг – никого ведь нет! Ты ж опять один за всех пашешь!

Реалист, опустив лопату, оглядывается. Действительно, вокруг никого. Он снимает шапку и утирает потный лоб. Морозный румянец сползает с его лица.

– Пойдём! – говорит ему Пессимист, хлопая себя по карману. – У меня есть! Обмозгуем это дело...

Они идут в дом к Реалисту (Реалист – холостяк, и у него можно спокойно посидеть) и, разлив по стаканам, начинают это дело обмозговывать.

Тем временем Оптимист выкатывает на улицу свой только что изобретённый агрегат и приступает к его ходовым испытаниям. Однако при первом же включении агрегат выпускает вонючий клуб дыма и со стуком и звоном рассыпается на запчасти...

Спустя некоторое время Мэр посылает своего Заместителя посмотреть – как исполняют горожане изданный им указ.

Заместитель выходит в город и видит наполовину расчищенный участок дороги напротив дома Реалиста и судорожно раскапывающего сугробы (в поисках разлетевшихся деталей своей машины) Оптимиста. Вернувшись в мэрию, Заместитель совершенно честно докладывает, что работы, в общем-то, ведутся, но не так интенсивно, как хотелось бы, а гражданин Пессимист вообще проигнорировал указ Мэра, что попахивает откровенным саботажем.

Мэр, почесав в затылке, издаёт второй указ, в котором предусматривает всевозможные кары для лиц, игнорирующих выполнение первого указа, и отправляет Полицейского на улицу – подгонять нерадивых и пресекать саботирующих.

Полицейский, кряхтя, отрывает от стула свой объёмный зад и идёт исполнять поручение Мэра. Напротив дома Реалиста он сталкивается с пьяным в хлам Пессимистом. Слово за слово – завязывается драка. На стороне Полицейского – закон, на стороне Пессимиста – ощущение попанной справедливости и полбутылки принятой вовнутрь «белой». Реалист сочувственно смотрит в окно. Полицейский, несколько раз ощутимо получив по морде, в конце концов скручивает Пессимиста и водворяет его в кутузку...

Тем временем Оптимист выкатывает из дома модернизированный вариант своего снегоуборочного агрегата – на этот раз на реактивной тяге от газового баллона. При включении агрегат издаёт душераздирающий скрежет, вой и мощно взрывается, поджигая дом Оптимиста и нанеся своему создателю целый ряд болезненных, хотя и не смертельных повреждений.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр. 13-14).

В городе возникает паника. Все бросаются тушить дом Оптимиста, но через какое-то время выясняется, что, по большому счёту, все спасают от наступающего огня лишь своё собственное имущество. Дом Оптимиста сгорает дотла. Огонь, сделав своё чёрное дело, потухает. Глядя на семейство покалеченного Оптимиста, печально вззирающее на своё пепелище, Мэр объявляет сбор средств в пользу погорельцев и первым демонстративно жертвует рубль из своего кармана. (Вскоре непременно выяснится, что жертвовал Мэр этот рубль вовсе не из своего кармана, а с будущей полочки Пессимиста: «А тому-то какая разница – всё равно ведь сидит!..»)

Между тем, за всеобщей суетой и бегом выясняется, что снег в городе, в общем-то, притоптали и, стало быть, указ худо-бедно, но выполнили.

Вечером, в узком номенклатурном кругу, подняв бокал с коньяком, Мэр произносит прочувствованную речь о русском характере:

– ...Русский народ, ёпть, он... непобедим!.. Он гениален!.. Из глубин веков, ёпть!.. Отцы наши!.. И пращуры!.. – переполняемый эмоциями и коньяком, Мэр слегка невнятен. – А вы видели?! Как все в едином порыве!.. Все, как один, понимаешь!.. – тяжёлая мэрова длань сотрясает стол, звенит хрусталь. – Когда русский народ прижмёт, понимаешь!.. Он, ёпть, – о-го-го!!..

– Сволочь он, этот народ... – бормочет себе под нос Полицейский, осторожно поглаживая уstraшающего вида фиолетово-лиловую гулю над глазом.

Заместитель тут же выступает с инициативой отдать дом крамольщика и саботажника Пессимиста герою снегоуборочной кампании Оптимисту, пострадавшему за общее дело. Тем более что Пессимист сидит и когда выйдет – неизвестно. Впавший в восторженную ажитацию Мэр, не глядя, подмахивает новый указ...

Ну, и так далее, и тому подобное...

А вы говорите – Гутенштадт. Какой там Гутенштадт?! Гутенштадту такое и в страшном сне привидеться не может. Там, как вы помните, всё закончилось за час. Здесь же – целое действо! Повесть! Эпопея! И это только то, что случилось! А какие перспективы действия открываются впереди! Какие интриги закручиваются! Одна передача дома Пессимиста Оптимисту чего стоит! А жена Пессимиста, оказавшаяся на улице и идущая жить к единственному холостяку в городе – Реалисту?! Представляете зубодробительный сюжет – выход Пессимиста через год из кутузки?! А?! Тут даже Тарантино курит в сторонке. Причём не в затылку... А скандал в семье Оптимиста по поводу утраченного имущества?! А неизбежный грядущий заговор Заместителя и Полицейского по смещению Мэра после выяснения происхождения того самого, злосчастного, пожертвованного Мэром, рубля?!.. Десятки сюжетов, коллизий, тем!

Нет, ребята, что хотите говорите, но всё-таки менталитет есть менталитет. Его у нас никому не отнять, а потому жизнь у нас интересная и непредсказуемая! Не то, что в каком-то там занюханном Гутенштадте!..

Но вернёмся к нашему текущему повествованию, а именно – к антиалкогольной кампании второй половины 80-х.

В 1990 году кампания эта – к слову сказать, как и все предыдущие, – бесславно закончилась, но на наш век, как говорится, хватило. Практически вся наша жизнь в Орловке прошла на фоне развернувшейся в стране беспорядочной и лихорадочной борьбы за трезвость.

Впрочем, на нашей повседневной жизни эпохальные изменения, происходившие в этот период в одержимой Перестройкой державе, сказывались слабо. Да, водку и вина в нашем гарнизонном магазине стали продавать по талонам, но нам с лихвой хватало и нашего родного авиационного спирта. Да, продажа спиртного в магазине была теперь разрешена только с 14.00 до 19.00, но, во-первых, смотри выше, а во-вторых, если у какого-нибудь нашего доморощенного гурмана вдруг появлялось стойкое желание побаловать себя, к примеру, пятизвёздочным коньячком, то, поскольку столь утончённые люди, как правило, утренним дрожанием рук не страдают, он мог и потерпеть до установленного властями заветного времени.

Как это ни странно, но основными пострадавшими от этой борьбы за трезвость оказались наши женщины. Ведь именно они были основными потребителями слабоалкогольных напитков в нашем гарнизоне, и введение талонов на их любимые болгарские и грузинские вина было воспринято слабым полом достаточно болезненно.

Но наша советская женщина – это женщина особая. Как известно, она отличается от своих зарубежных подруг не только своей врождённой красотой, но и тем, чем отличалась птица Говорун в знаменитом мультике про девочку Алису, а именно – умом и сообразительностью. Поэтому любые жизненные трудности она воспринимает не как повод для пессимизма, но как точку приложения своих недюжинных сил и природной изобретательности.

Сразу же, по введении в Орловке талонной системы, нашими добродетельными хранительницами очагов были извлечены на свет полузабытые бабушкины рецепты всевозможных бражек и медовух и, спустя считанные недели после начала антиалкогольной кампании, чуть ли не каждое окно в гарнизоне украсилось стаями за стеклом на подоконнике, трёхлитровыми банками – с туго натянутыми на горло резиновыми прокладками вместо крышек. Распираемые бродительными газами перчатки торчали вертикально и напоминали поднятые для голосования руки. По вечерам эти воздетые вверх руки отчётливо виднелись на фоне освещённых окон, и тогда временами казалось, что по всему гарнизону за закрытыми дверями идут какие-то тайные собрания, на которых граждане, собрав необходимый кворум, дружно достигают консенсуса.

(продолжение следует).

• Веселый конкурс:

«Отыщи свою траву»

Поэты – большие пересмешники, им палец в рот не клади: не успел один пошутить, другой тут же шутку подхватил и использовал, переиначив историю на свой манер. Вот вам пример: стихотворение М. Петровой из Андреаполя о траве сныть, которая, якобы, помогает выглядеть эстетично и сражать наповал объекты противоположного пола, у нелидовца П. Бобунова вызвало такую реакцию.

И нам подумалось: а почему бы не организовать вокруг этих стихотворных шуток весёлый конкурс «Отыщи свою траву». На самом деле, сколько ситуаций можно себе вообразить по этому поводу!

Так что дерзайте, стихотворцы. Ждём ваших писем и интернетсообщений.

*Когда осталось про любовь шутить,
я в парк отправлюсь за травой сныть.
Ведь, говорят, она с времён античных –
целебных свойств и бодрости исток.*

М. Петрова

Пётр Бобунов,**Нелидово**

Одиночество не горе,
не проблема, я скажу,
отыщу траву цикорий
и на ней поворожу.

Я настолько в этой теме,
что уверовал вполне:
скоро всем на удивленье
окажусь я при жене.

А она – в лице и теле,
как ни глянь, за что ни тронь,
мало, что огонь в постели,
в остальных делах огонь!

Та трава при наговоре
провоцирует любовь,
даром, что зовут цикорий,
что цветочек – голубой.

Целый день шептал без меры,
пил отвар, а на другой
задолбали... кавалеры,
а вот женщин – ни одной!

То ль не так построил фразы,
то ли крепок был настой,
всё не те клюют, заразы,
на цветочек голубой!

• Лимерики

В одном из номеров «Светлячка» мы рассказали о поэтическом жанре «лимерик» и привели примеры лимериков, написанных И. Столяровым (Нелидово) и Н. Ивановой (Пено). И вот продолжение темы. Правда, тексты С. Виноградовой (Нелидово) не вполне можно назвать лимериком, так как не соблюдены некоторые технические требования стихосложения этого вида творчества, и, тем не менее, мы решили их тоже представить читателю.

Маргарита Петрова

Афродиты-поэты из Пено,
Утомлённые тленным и бренным,
Лишь высоким живут,
Что им быт и уют,
И воздушны, как волжская пена.

В Жукопе веселушки-старушки
День-деньской сочиняли частушки.
Не варили обед,
У одной из них дед
За обедом сбежал к молодухе.

Мужичок из села Торопаца
Зачастил к озерцу, мол, купаться.
Только бает народ,
Тут другой хоровод:
Охмуряет русалочку-цацу.

В деревеньке недалёней, в Волке,
Мылась бабка в полночь на полке.
Соблазнился тут бес,
На полк к бабке влез...
Так и сгинул в Волке на полке!

Пишут, в озере Бросно в Горицах
Где-то чудище в недрах ютится.
Стал стирать там бельё,
Вдруг смотрю – ё - моё!
Динозавр в небо взвился как птица!

Наталья Иванова**Ответ на Афродит:**

Их коллеги (соседи к тому же)
в Андреаполе точно не хуже.
Отправляют стихи
потрясать Каблуки,
а один вот потряс даже Грушу.

Светлана Виноградова

Шла на рынок повтру,
Вижу: скачет кенгуру...
А за ней, разинув рот,
Весь нелидовский бомонд.
Но прошу, друзья-поэты, вы об этом ни гу-гу!

В наш нелидовский тёмный лес
забежал по нужде Геркулес.
Вдруг навстречу ему - косопалый.
Размахнулся - да по уху - лапой:
«Без тебя тут хватает чудес!»